

- Kaltenböck et al. 2011 — Kaltenböck G., Heine B., Kuteva T. On thetical grammar. *Studies in Language*. 2011. Vol. 35. Pp. 852—897.
- MacWhinney 2005 — MacWhinney B. The emergence of linguistic form in time. *Connection Science*. 2005. Vol. 17. Pp. 191—211.
- MacWhinney, O'Grady 2015 — MacWhinney B., O'Grady W. (eds.). *The handbook of language emergence*. New York: Blackwell Publ., 2015.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A. L., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: A typological overview. *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Malchukov A. L., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1—64.
- Martinet 1955 — Martinet A. *Économie des changements phonétiques*. Berne: Francke, 1955.
- Mattys et al. 2005 — Mattys S. L., White L., Melhorn J. F. Integration of multiple segmentation cues: A hierarchical framework. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2005. Vol. 134. Pp. 477—500.
- Moravcsik 2010 — Moravcsik E. Conflict resolution in syntactic theory. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. Pp. 636—669.
- Newmeyer 1992 — Newmeyer F. J. Iconicity and generative grammar. *Language*. 1992. Vol. 68. No. 4. Pp. 756—796.
- Prince, Smolensky 1993 — Prince A., Smolensky P. *Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar*. Technical report no. 2 of the Rutgers Center for Cognitive Science, Rutgers University. New Brunswick (NJ): Rutgers Univ., 1993.
- Seiter 1980 — Seiter W. J. *Studies in Niuean syntax*. New York: Garland Publ., 1980.
- Wiechmann, Lohmann 2012 — Wiechmann D., Lohmann A. Domain minimization and beyond: Modeling PP ordering. *Language Variation and Change*. 2012. Vol. 25. No. 1. Pp. 65—88.

А. А. Плотникова. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с. [A. A. Plotnikova. *Slavyanskije ostrovnnye arealy: arkhajka i innovatsii* [Slavic insular areas: Archaic and innovative features]. Moscow: Institute for Slavic Studies, 2016. 320 p.] ISBN 978-5-7576-0353-7*.

Максим Максимович Макарец

Maxim M. Makartsev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991,
Российская Федерация; makarcev@bk.ru

Institute of Slavic Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
makarcev@bk.ru

Термин «островной ареал», восходящий к немецкой диалектологии середины XIX в. ([Riehl 2010: 335]; там же см. библиографию вопроса), достаточно быстро осваивается ареальной лингвистикой. В последнее время он был заимствован и смежными дисциплинами, которые обращались к славянским традициям, существующим в иноязычном и инокультурном окружении. Знаковой здесь стала книга «Славянские языковые и культурные острова» [Nowicka, Gluszkowski 2013]. Она открывается серией статей о польских островных ареалах в Восточной Европе и Азии (т. е. определяющим является взгляд из материнского ареала на островной, причем авторы выходят за пределы собственно лингвистики и обращаются также к национальной идентичности, истории национального движения, идеологии и социологии), но дальше рассматривается случай Боснии (проблема богомилства и боснийского ислама) как религиозного островного ареала (*wyspa wyznaniowa*), а завершает сборник серия статей про старообрядцев на польских землях (островной языковой, религиозный и культурный ареал). Таким образом, понятие островного ареала в литературе последних лет выходит за пределы лингвистики и применяется к ряду явлений, которые выделяют некоторые группы на фоне их окружения.

Рассматриваемая монография А. А. Плотниковой «Славянские островные ареалы: архаика и инновации» расширяет и обосновывает применение термина «островной ареал»

* Работа выполнена в рамках гранта РНФ №16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

в этнолингвистическом аспекте. Автор отмечает, что «“островная” терминология все чаще встречается в новейшей литературе по культурологии, истории и социологии» (с. 6). На наш взгляд, это связано с исключительной удачностью метафоры, лежащей в основе термина: *остров* принадлежит к мифологическому словарю, в котором имеет характеристики особенности, непохожести, индивидуальности. «Правомерным представляется говорить об *островной ментальности*, на которой лежит печать той же двойственности, одновременно *открытости* и *закрытости*, осознания собственной уникальности, но и стремления к чему-то большему, дальнему, к центру, представленному материком» [Цивьян 2009: 238].

Эти признаки островной ментальности можно увидеть и в описываемых в монографии сообществах: у старообрядцев Добруджи (липован), градищанских хорватов Австрии, боснийских мусульман. Все три традиции противопоставляются своим непосредственным соседям по некоторому набору признаков (см. далее) и в то же время имеют связь с другими внешнеположенными группами. Продолжая островную метафору, можно сказать, что мы наблюдаем здесь взаимоотношения *остров* — *материк* или *остров* — *архипелаг*. Старообрядцы Добруджи связаны как с более широким русским ареалом, так и с более локальными старообрядческими регионами (прежде всего, Веткой и Стародубьем), градищанские хорваты — с междуречьем Савы, Купы и Уны (а также другими регионами Хорватии и Боснии). Сопоставление их традиции с традицией «материка» позволяет определить архаизмы и инновации в языке и культуре. Для славян-мусульман Боснии определяющей является их религиозная идентичность, в то время как история их миграции на современное место расселения совпадает с историей миграции их соседей иных конфессий. В то же время конфессиональная принадлежность объединяет их с другими группами-островами славян-мусульман на Балканах (в Нови-Пазаре, Косовской Горе, Западной Македонии, Фракии и т. д.) в «архипелаг», что прослеживается на разных уровнях. Например, боснийская идентичность декларируется некоторыми славянами-мусульманами Нови-Пазара, Горы и Западной Македонии, поскольку она воспринимается без привязки к географической области (в данном случае к Боснии), скорее как синоним понятия «славянин-мусульманин». Это позволяет последним механически переносить на себя также дискурсы о богомильском происхождении мусульман на Балканах (регистрируется в Горе и Западной Македонии [Макарцев 2015]).

Автор предпринимает опыт построения типологии, задав сетку признаков, в пространстве которых рассматриваются ареалы (конфессия, язык, культурная традиция, совместное / раздельное проживание, политический статус). Сбор полевого материала проводился по опроснику «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» [Плотникова 1996], а для изучения старообрядцев Добруджи привлекались также программы для изучения Полесья и донского казачества.

Книга разделена на три главы, каждая из которых посвящена одному из ареалов. Главы выстроены схожим образом: они открываются социоллингвистическим введением и описанием истории рассматриваемой группы, продолжают анализом архаической специфики группы (связь с «материком» / иными островами «архипелага») и завершаются описанием новых явлений в языке и народной культуре, возникших как следствие изолированности ареалов (чаще всего в результате влияния языкового и культурного окружения).

Старообрядцы Добруджи (липоване) являются наиболее обособленным островным ареалом из описанных в книге: они существуют в иноэтническом, иноязыковом и иноконфессиональном окружении (с. 14). Описание их традиции потребовало как исследования ее восточнославянской базы, так и новоприобретенной под влиянием румынского окружения балканской специфики. Значительное место занимает описание народной культуры, традиционного костюма и обрядности. Терминологическая лексика традиционной духовной культуры липован соотносится прежде всего с южнорусской и (реже) среднерусской, но спорадически включает также более широко распространенные диалектные термины, что связано с волнообразным процессом заселения (на первоначальное некрасовское население с Дона наслонились более поздние группы из центральных и западных частей русской территории (с. 35—36). Рассматриваются некоторые термины родства (обращения: *бабуш*,

дедуш, батюч, дочеч; термины с уменьшительными суффиксами: *мамі́ка, тяті́ка, бабі́ка*; продуктивность корня *-род-*), родинная и свадебная обрядность, окказиональные обряды вызывания дождя, народная медицина, низшая мифология, поверья о природе. Мифологические локусы духовных стихов и поверий связываются старообрядцами с реальными местами в окрестностях липованских сел, Дунай — с мифологическим змеем, изгибы его рукавов — со следами змея, устье показывает, как широко змей раскрывал пасть и захватывал морскую воду (с. 89—92). Среди новых явлений в языке и культуре старообрядцев — многочисленные заимствования из румынского языка, обусловленные диглоссией русского (*липованского, русского липованского*) и румынского языков (русский используется, прежде всего, в бытовом общении). Отдельное место занимают глагольные заимствования из румынского («Пришла, пиндила [т. е. «караулила»], когда корова будет отеляться (из рум. *a pîndi* ‘караулить, стеречь’)) — с. 98), к которым часто могут добавляться русские приставки («Подиспарулося, кругом нема [Поисчезало, кругом ничего нет]» — там же). У части старообрядцев из румынского заимствуется обрядовая лексика (*мо́ша* ‘повивальная бабка’, *на́ша* ‘крестная мать’, *нунта́ши* ‘званные гости’ и т. д. — с. 100). Липоване четко проводят границу между своей и румынской культурной традицией («Мы об этом знаем, но у нас этого нет» — с. 103), но при этом могут принимать участие в румынских обычаях (например, Пеперуда и Калоян). Некоторые румынские обряды и традиции заимствуются (мартовские нити, новогодний обход детьми села, обрядовая пища, элементы свадебного ряжения), что происходит на фоне модернизации и упрощения обрядовой традиции (с. 110). Характер взаимодействия румынской и липованской традиций может быть описан термином «сближение» («включение отдельных компонентов соседней культуры в ядро и периферию своей без серьезной внутренней перегруппировки последней» [Иванова 2015: 19], цит. по рецензируемой монографии, с. 112). В приложении к книге опубликовано 100 расшифрованных текстов из интервью со старообрядцами (прежде всего, нарративы о народной традиции, а также песни).

Градищанские хорваты существуют в иноэтническом и иноязыковом окружении (на границе Австрии и Венгрии), в то же время конфессионально они принадлежат к католицизму, как и их соседи. Как и в случае липован, переселение на территорию провинции Бургенланд / Градище происходило волнами и затрагивало носителей разных локальных говоров, таким образом материнский ареал невозможно точно локализовать. Описание их традиции велось на основе опросника [Плотникова 1996] в сравнении с обширным массивом данных с западной части южнославянского пространства. Внутренняя неоднородность ареала (деление на северную и южную часть) неабсолютна, но она проявляется в наличии регионально маркированных терминов-дублетов (север: *vrtanj / vertanj* ‘свадебный хлеб’, *babac* ‘распорядитель на свадьбе’, *puotprnja / potpertnja* ‘дружка женского пола’, ср. используемые на юге соответствующие термины: *kolač, pozivač, posnašnica*). В серии небольших разделов рассматриваются номинации и действия, связанные со свадебным хлебом, народный календарь, низшая мифология (ведьмы-*viške*, вилы, огненный змей, опасный для новорожденных персонаж *mrak / mračnjak / mæčnjak*). Локальная терминологическая лексика в Градище дополняет наши представления об этнолингвистической географии Южной Славии (см. [Плотникова 2004]): она может быть эксклюзивной для ареала (*babac, puotprnja / potpertnja*); совпадать с узколокальной лексикой отдельных хорватских ареалов; быть распространенной на более широкой хорватской территории (*viška, mrak*), в соседнем словенском ареале (*vrtanj* в виде кольца, масленичный обычай с колодой *korito vluč* ‘тянуть корыто’ — в последнем случае не исключается вторичное австрийское влияние, насланивающееся на этот изначально германский ритуал), на широкой территории запада Южной Славии (обозначение погребального плача через **jauk-, *jok(a)-*), на всей южнославянской территории (*vila, zmaj* и т. д.). При рассмотрении лексических заимствований в языке градищанских хорватов следует учитывать большой пласт «первоначальных» германизмов и унгаризмов, которые уже вошли в их язык до переселения (с. 157). В то же время существует ряд узколокальных специфических заимствований (например, *grebencijaš* ‘человек, который мог воздействовать на погоду’ < венг. *garboncás diák*). На примере Градища можно наблюдать

процесс постепенного исчезновения традиции: ряд культурно-языковых явлений исчезает или заменяется на заимствованные из немецкоязычного ареала / контаминируется с ними (благословение урожая в церкви: *žetvena zavalnica*, ср. нем. *Erntedankfest*; обряд волочения колодки отождествляется с соответствующим австрийским (*Blochziehen*)).

Боснийские мусульмане рассматриваются как остров только из-за своего гетероконфессионального статуса. Различия между ними и окружением в языке и народной культуре второстепенны и являются производными от конфессиональных. Рассматриваются компоненты традиции, зафиксированные автором при полевом опросе жителей: народный календарь (Юрьев день и др.), семейная обрядность (родинная, свадебная, похоронная), народная мифология (змея-*aždaha*, мартовская старуха, вила, *mora*, ведьмы-*sihirbašice*, волколаки, змей-хранитель дома (*kučenica*, *kučarica*), дух, которым пугали детей (*Baba Roga*, *mrakač*), и другие верования, встречающиеся также у православных сербов), обряды при строительстве дома. Терминология народной культуры имеет разные пласты: семейная обрядность, прежде всего, славянская, а в лексике народного календаря преобладают турцизмы (с. 176). Большой раздел посвящен турцизмам в языке боснийских мусульман. Автор опирается на «Словарь боснийского языка» и описывает употребление ряда приведенных в нем турцизмов в полевых материалах (в календарной терминологии: *Aliđun* ‘праздник второго августа’, *Bajram*, *kurban*, *teferič* ‘праздник на открытом воздухе; часть мусульманского свадебного обряда, когда устраиваются конные соревнования’; семейной обрядности: *bašluk* ‘надгробный памятник’, *boščaluk* ‘подарок; приданое невесты’, *bula* ‘женщина после свадьбы’, *duvak* ‘вуаль, фата невесты’, *džehenem* ‘ад’, *dženaza* ‘намаз по усопшему; погребение’, *dženet* ‘рай’, *ničah* ‘свадьба; пир’, *miraz* ‘недвижимость, которую невеста приносит будущему мужу при заключении брака’ (sic), *mejt* ‘усопший’, *mezar* ‘могила, гробница’, *nišan* ‘надгробный памятник’, *sejsana* ‘подарки родне жениха от невесты; этап свадьбы’, *tabut* ‘вид гроба у мусульман’; народной мифологии: *aždaha*, *bismila* ‘молитва во имя Бога; оберег от зла’, *džin* ‘джинн’, *džinovski vjetar* ‘нехороший ветер (разносчик зла, болезней)’, *hamajlija* ‘талисман, оберег’, *mašala* ‘вводное слово для предотвращения сглаза при восхищении чем-либо; талисман для новорожденного’, *iblis* ‘дьявол’, *melek* ‘ангел’, *nafaka* ‘пища, предопределенная человеку свыше; судьба, предопределенная свыше; подарок судьбы’, *nur* ‘сияние, огонь на могиле благочестивых людей’, *ograisati* ‘наступить на предмет порчи; подвергнуть порче’, *ograma* ‘болезнь, полученная в результате порчи; предмет порчи’, *sihir* ‘порча’, *sihirbašica*, *šejtan*, *tilsum* ‘магическое средство; оберег’). Несмотря на наименование, «экстралингвистическое наполнение термина может быть связано с архаическими славянскими контекстами» (например, *sihirbašica*, *teferič* — с. 231). Так, для терминов-турцизмов существует ряд славянских дублетов (*sihirbašica* — *vještica*, *činilica*), ритуалы, в которых используются термины-турцизмы, широко распространены в Южной Славии (с использованием других, чаще всего славянских терминов). Ряд турцизмов имеет общеюжнославянский характер и не является определяющим только для боснийско-мусульманской традиции.

Типологическое сравнение трех ареалов проводится в заключении к книге. Пять признаков, по которым ведется сравнение (конфессия, язык, культурная традиция, совместное / раздельное проживание, политический статус) сведены в таблицу. К сожалению, система условных обозначений в таблице непрозрачна (вместе с ожидаемыми знаками наличия / отсутствия признака + и – в таблице встречаются также +/- и даже +/–/–). Кроме того, наполнение знаков для разных ячеек таблицы различается («Пожалуй, несколько иное содержание мы вкладываем в знак “+/-” для боснийских мусульман» — с. 237). Впрочем, последующее текстовое описание достаточно полно раскрывает интенции автора.

Для всех трех островных ареалов характерно акцентирование традиции (через культурно-фольклорные объединения и практики, издание литературы, театральные постановки), «чтобы подчеркнуть особый характер культурно-языковой традиции по отношению к окружающей “инородной” среде» (с. 238). В то же время отчетливы тенденции к созданию своего литературного (микро)языка (липованского, градищанско-хорватского, боснийского) при всех различиях в социолингвистической ситуации и истории языковых

стандартов регионов. Терминологическая лексика народной культуры показывает все возможные виды связи с другими ареалами Славии (ее отсутствие, наличие, связь с отдельными «материнскими» регионами, связь с рядом регионов в силу волнообразного заселения островного ареала, включенность в более широкий ареал из нескольких регионов или общепринятость термина). Наиболее открытой к заимствованиям для всех трех традиций является свадебная обрядность и ее терминология, родинная обрядность лучше всего сохраняет свой первоначальный облик, а похоронно-поминальные обычаи теснее всего связаны с конфессиональными особенностями группы.

Автор указывает, что конфессиональная близость облегчает заимствование лексики народной традиции (с. 240). Как кажется, чтобы говорить о степени легкости заимствования обоснованно, следовало бы как минимум провести статистический анализ заимствований во всех трех традициях, чего в книге не делается. Очевидно, что при заданной сетке из трех признаков (гетероэтничность, гетеролингвальность, гетероконфессиональность) для утверждения об относительной легкости заимствования следовало бы показать традиции, различающиеся только одним из признаков (напрашивается вариант с максимальной легкостью заимствования для гетероэтничной гомолингвальной гомоконфессиональной культуры, средней легкостью заимствования для гомоэтничной гомолингвальной гетероконфессиональной культуры, минимальной легкостью для гомоэтничной гетеролингвальной гомоконфессиональной культуры, но это следовало бы проверить на соответствующем материале).

Также вызывает вопросы приложение термина «островной ареал» к боснийским мусульманам — это самая большая группа «архипелага» *Slavia Islamica*, она не имеет статуса переселенцев в автохтонном окружении и в абсолютном масштабе занимает не только значительную территорию, но и имеет важный вес в государстве Босния и Герцеговина. Кроме того, для изучения были выбраны мусульманские села только центральной части страны (с. 169). Означает ли центральный статус минимальное количество контактов с соседями иной конфессиональной принадлежности и подразумевает ли это внутреннюю разнородность группы по признаку «внутренний — внешний»? Как кажется, если рассматривать боснийских мусульман как островной ареал, неизбежно встает вопрос, что же тогда отличает островной материал от неостровного и где провести границу между ними. Ведь в таком случае можно рассматривать как островной ареал и большие группы людей (например, всю Южную Славия в неславянском окружении). Это неизбежно снижает эвристическую ценность термина «островной ареал». На мой взгляд, для островных ареалов (если рассматривать липован и градищанских хорватов как канонических представителей таких ареалов) важно смыкание центра и периферии: островные сообщества невелики и всегда открыты для влияний со стороны, в то время как для «материка» будут существенны различия между центром и периферией (ср. македонскую диалектологическую карту, где четко выделяются значительно раздробленные западная и юго-западная периферия, для которых издавна характерна высокая степень симбиоза с неславянскими группами населения, vs. относительно монолитные зоны на севере, в центре, на юге и востоке диалектного континуума).

Опыт параллельного описания трех славянских традиций, предпринятый А. А. Плотниковой, следует признать успешным: монография описывает большой полевой материал, который расширяет наши знания о славянской лингвистической географии. Автор убедительно показывает, что проблематика островных ареалов в этнолингвистике имеет самостоятельный статус и не должна восприниматься как производная от проблематики «материка», в то же время процессы, происходящие в разных островных ареалах, имеют много общего между собой и могут рассматриваться в общей концептуальной рамке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иванова 2015 — Иванова А. А. Типология межкультурной интерференции // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 14—26. [Ivanova A. A. A typology of cross-cultural transfer. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2015. No. 2. Pp. 14—26.]

- Макарцев 2015 — Полевые материалы. Охрид, Струга, Корча, Кристаллопиги, Касторья, Флорина, Битола, Ресен, Асамати. Эксплоратор М. М. Макарцев. Личный архив. М., 2015. [*Polevyte materialy. Okhrid, Struga, Korcha, Kristallopigi, Kastor'ya, Florina, Bitola, Resen, Asamati. Eksplorator M. M. Makartsev. Lichnyi arkhiv* [Field data. Ohrid, Struga, Korce, Krystallopigi, Kastoria, Florina, Bitola, Resen, Asamati. Explorer M. M. Makartsev. Personal files]. Moscow, 2015.]
- Плотникова 1996 — Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. [*Plotnikova A. A. Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyanskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan-Slavic area]. Moscow: The Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 1996.]
- Плотникова 2004 — Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. [*Plotnikova A. A. Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic geography of the Southern Slavia]. Moscow: Indrik, 2004.]
- Цивьян 2009 — Цивьян Т. В. *Остров, островное сознание, островной сюжет* // Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М: Либроком, 2009. С. 234—241. [Tsiv'yan T. V. Island, island conscience, island story. Tsiv'yan T. V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy*. Moscow: Librokom, 2009. Pp. 234—241.]
- Nowicka, Głuszkowski 2013 — Nowicka E., Głuszkowski M. *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*. Toruń: UMK, 2013.
- Riehl 2010 — Riehl C. M. Discontinuous language spaces (Sprachinseln). *Language and space. An international handbook of linguistic variation*. Vol. 1: *Theories and methods*. Auer P., Schmidt J. E. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2010. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 30.1.) Pp. 332—354.

Е. В. Вельмезова. История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014. 416 с. [E. V. Vel'mezova. *Istoriya lingvistiki v istorii literatury* [The history of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014. 416 p.] ISBN 978-5-91674-302-9.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Российская Федерация; mitrius@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian
Federation; National Research University Higher
School of Economics, Moscow, 101000, Russian
Federation; mitrius@gmail.com

Книга Екатерины Вельмезовой, нашей соотечественницы, работающей в Швейцарии, выросла из университетского преподавания истории лингвистических учений. В своей основе это анализ текстов, которые преподавательница задавала студентам для самостоятельной работы. Можно сказать (хотя такого грифа на книге нет), что это пособие по истории лингвистических учений. «Еще одно пособие»? И да, и нет: сложно написать такую книгу, выходя за рамки уже установившегося канона — в сотый раз младограмматики, анализ текстов Бодуэна или Соссюра, «язык и речь» или «глоссематика», которая, как иногда кажется, только ради этих курсов на свете и существовала¹... Между тем Вельмезовой это удалось. Оригинальная идея, легшая в основу курса и книги — изучать не (только) сами по себе лингвистические научные или претендующие на таковой статус тексты, но и тексты художественной литературы, в которых отразилось актуальное языкознание своей эпохи (ценно именно восприятие современниками, пусть и подсознательное). Идею написать эту книгу подсказали автору покойные А. Д. Михайлов и Т. М. Николаева,

¹ Впрочем, мало кому известно, что глоссематика, строго говоря, не «мертвая» теория; кружок ее приверженцев существует в Падуе (<http://www.circologlossematico.info/>), у него есть формальное членство и неперiodическое издание (благодарим за указание М. Хаспельмата).